

© 1992 г. КРАСУХИН К.Г.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛАТИНСКИХ ГЕРУНДИЕВ-ГЕРУНДИВОВ И СОПОСТАВЛЕНИИ ИХ С ДРУГИМИ ОТГЛАГОЛЬНЫМИ НАРЕЧИЯМИ

Италийский герундив — отглагольное прилагательное со значением страдательного долженствования — образуется с помощью суффикса *-nd-* (в оско-умбрском *-nn-*); герундий — аналогичная форма, не согласованная с другими членами предложения, стоящая в одном из косвенных падежей и обозначающая абстрактное действие как характеристику сказуемого (или других членов предложения). Происхождение этих грамматических категорий не может считаться до конца выясненным. Дело в том, что прилагательные со значением долженствования встречаются во многих и.-е. языках и деепричастия нередко связаны с ними по происхождению: в этой связи следует принять во внимание литов. прилагательное *долженствования* на *-tina-*, глагольный определитель *-tinai-*, [1, 325], скр. деепричастия на *-iva*, *-tya*, *-ya*, прилагательные на *-tuvas*, *-tavyas*, *-auyas*, *-aniyas*, греч. *-téō-*. Однако рассматриваемая категория обнаруживает значительный разнобой в суффиксах, что свидетельствует о ее формировании уже в рамках истории отдельных и.-е. языков. В частности, суффикс итальянского герундия-герундива *-nd/-nn-* не находит прямых параллелей, и относительно его происхождения существуют различные гипотезы.

Согласно наиболее распространенной точке зрения, этот суффикс восходит к тому же прототипу, что и литов. *-tinas*, слав. *-тънь*. Эта гипотеза базируется на сходстве функционирования указанных суффиксов (лат. *agendus* = литов. *dīrbtinas* "подлежащий работе"); глагольный же определитель типа *bēgtinai* во фразе *bēgtinai bēgti* "бегом бежать" близок к лат. герундию в выражениях типа *cursando atque ambulando diem contrivi* (Тер. Нес. 815)¹ "в беготне и прогулках я истратил весь день". Их различие в том, что глагольный определитель фигурирует только в *figura etymologica*, подчеркивая экспрессивность действия, кроме того, в литовском эта форма является показателем просторечного стиля; слабость этого сопоставления — в отсутствии примеров, демонстрирующих фонетический переход **-tn->-nd/-nn-* (если не считать постулируемого Эрну-Мейе соответствия этрус. *mutna* "могила" — лат. *mundus* в специфическом значении "преисподняя" [2, s.v. *mundus*]). Кроме того, в латинском известен суф. *-tinus*, не имеющий отношения к герундиву, а связанный преимущественно с темпоральными наречиями: *cras* — *crastinus* "завтрашний", *diu* — *diutinus* "длительный".

¹ В статье приняты следующие сокращения источников: Ил. — Илиада, Од. — Одиссея (первая арабская цифра указывает на номер песни, вторая — на номер стиха); Ambr. — Ambrosius; Ap.Apol. — Apulaeus, Apologia; Caes B.G. — Caesar, Commentarii de bello Gallico; Cat. — Catullus; Cic. — Cicero; De nat. — De natura deorum, De or. — De oratore, Div. — De divinatione, Fin. — De finibus bonorum et malorum, Part. — Partitiones oratoriae, Off. — De officiis, Phil. — Philippicae, Sest. — Pro Sestio; Verr — In Verrem; CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum; Liv. — Livius, Ab urbe condita; Phaedr. — Phaedrus; Pl. — Plautus; Bacc. — Bacchides, Cist. — Cistellaria, Mil. — Miles gloriosus, Plin Ep. — Plinius Secundus, Epistulae; P.Syr. — Publius Syrus, Sententiae; Quint.Decl. — Quintillianus, Declamationes; Sen. — Seneca Minor: Med. — Medea, Thy. — Thyestes; Tac.Ann. — Tacitus, Annales; Ter. — Terentius: Hec. — Hecyra, Phorm. — Phormio; Dupp. — Duppi-Teššup-Vertrag; KBoT — Keilschrifttexten aus Bogazköi

Другая гипотеза была выдвинута Дж. Паултни [3]. С его точки зрения, переход $m > nd$ не доказан; герундий и герундив восходят к тому же прилагательному, что и санскритское пассивное прилагательное на *-nya-*: лат. *vehendus* = скр. *vahaniya*². К этому же прототипу восходят славянские абстрактные имена типа *оучение*, *ни* *ниче*, *знание* и т.д. Подобные прилагательные входят в обширный класс гетероклитических форм. Следствие фонетического закона $*nj > \text{итал. } nn/nd$ Дж. Паултни видит в лат. *tendo* (греч. *τείνω*), лат. *-fendo* (греч. *φείνω*) [3, с. 41]. Тем самым латинский герундий-герундив репрезентирует йотированный вариант и.-е. прилагательных на *-no-/-eno-*. В пользу этой гипотезы можно привести дополнительные аргументы: суф. *-io-* часто чередуется с простой тематической основой, особенно в прилагательных и посессивных словах: греч. *τρίτος* — лат. *tertius*, литов. *trečias* < **tretias*; в ряде случаев он удерживает посессивную семантику, утраченную простым тематическим именем: греч. *φίλος* у Гомера означает "милый, дорогой", в языке же классического периода обретает значение "друг", и тогда появляется новое адъективное образование *φίλιος* "дружеский". Йотированные формы часто указывают на лицо, подвергающееся действию: скр. *madhu-ād* "едящий мед, т.е. медведь", но *adya* "съедобный", *vahana* "везущий" — *vahaniya* "должный быть увезенным"³. Инактивное значение свойственно и именам на *-no-*, причем суф. *-n(i)io-*, может рассматриваться как контаминация *-no-* и *-io-*: ср. греч. *ἅγιος* и *ἁγνός* "святая", но. скр. *yājati* "приносить жертву" (сюда же относится и скр. *ija* "почтенный; учитель").

Однако все эти соображения доказывают правомерность реконструкции прилагательных на **-nio-/-enio-*, но не отнесения к ним латинского герундия-герундива. Приведенные Дж. Паултни аргументы нельзя признать убедительными по следующим причинам. Во-первых, нет никакой уверенности в том, что *tendo*, *-fendo* < **tenjo*, **fenjo*; ниже будет показано, что *-d-* правомернее рассматривать как морфему. Во-вторых, лат. *venio* < **g^henijō*, соответствующее греч. *βαίνω*, не обнаруживает следов перехода $nj > nd$. В-третьих, для лат. *grundio* "хрюкать" характерно, по-видимому, исконное *-d-*; показательно, что именно для этого глагола существует дублет *grunnio*. Можно предположить, что он, подобно многим другим словам, связанным с сельским обиходом, заимствован из оско-умбских диалектов (как и лат. *scrofa* "свинья"). Однозначных же свидетельств в пользу перехода праитал. *-nj-* в лат. *-nd-* не выявлено. Оско-умбр. *-nn-* явно вторичны по отношению к лат. *-nd-*. В пользу этого свидетельствует ряд колебаний в передаче *-nd-* в архаической латыни. В надписях, подвергавшихся влиянию соседних говоров, на месте *-nd-* стоит либо *-d-* (фалисские, помпейские говоры), либо *-n-* (надписи на территории осков и умбров). Ср. CIL I²364, X 3069; *Gonlegium quod est aciptum aetatei aged/ai/ opiparum ad vita/m/ quolundam* "Общество, которое было учреждено для деятельности по созданию изобильной жизни". Особый интерес здесь представляет сосуществование "фалисской" формы *agedai* (= *agendae*) и латинизированной ("гиперлатинской", по И.М. Троянскому [5, 227]) *quolundam*. В помпейских надписях известны формы *medacia* (= *mendacia*), *secudo* (= *secundo*); ср. также имя собственное *Verecunnius* = *Verecundus*; у Плавта находим *dispennite* (= *dispendite*; Pl. Mil. 1037), у Теренция — *tennitur* (= *tenditur*, Ter. Phorm. 330); в том, что *-d-* в лат. *pendo* исконно, никто не высказывал сомнения. Таким образом, данные фонетики наводят на мысль об исконности латинского и италийского *-nd-*. Задача состоит в том, чтобы определить происхождение этой морфемы.

Именно с этой точки зрения к данному вопросу подошел Ю.С. Степанов. В специальной статье [6] автор предлагает рассматривать данную форму как

² Э. Паултни причисляет к сторонникам этой гипотезы также Г. Курциуса, хотя у него ясно сказано: "Я считаю лат. *vehendus* не выводимым из скр. *vahaniyas*" [4, 664].

³ Имена на *-ana-* в санскрите нередко имеют значение Verbalabstracta, поэтому прилагательные на *-anya-* могут рассматриваться как их конкретизация.

слившуюся синтагму, состоящую из отглагольного имени на *-en/-on* типа греческого и германского инфинитива (здесь Ю.С. Степанов следует за Э. Бенвенистом [7]) и частицы *dum* "пока, в то время как, чтобы". Лат. *agendum* можно расчленить на **agen* (греч. *ἄγειν*) + *dum*. Из этой гипотезы следуют выводы: 1) герундий — исконное наречие, формирование герундия произошло по аналогии: форма *agen-dum* была воспринята как аккузатив, благодаря чему появились формы типа *agendus*, *agendi*, *agendo*; 2) первичное значение герундия — добавочное действие, совершаемое параллельно с главным. Герундий же как отглагольное прилагательное развился из первичного наречия в истории самого латинского языка [6, с. 17]. Ю.С. Степанов сравнивает с герундием литовские "полупричастия", обозначающие второстепенные действия: *darb-dam-as* "работая", *kalbė-dam-as* "говоря", *matų-dam-as* "видя" [6, с. 298], авест. энклитику *-dīm*, др.-прусс. показатель неопределенно-личного глагола *-di(turedi, turridi)* "надо", а также греч. адverbальные наречия типа *σχεδόν*(ἔχω — *σχεῖν*), *ἀγδῆν* (*ἄγω*), *ἐλίγδην* (*ἐλίσσω*) и т.д. Особое сходство, по мнению Ю.С. Степанова, с латинским герундием имеют наречия на *-ivd-*: βασιλίνδον, ὁστράκινδα, ἀριστίνδον. Сюда же автор (со ссылкой на Эрну—Мейе [2], s.v. *dum*) относит лат. частицы *-dem* (*idem*, *quidem*) и *-dam* (*quidam*). Ю.С. Степанов полагает, что *-dem* можно сравнивать с греч. *-δην* (при сокращении **ē* в латинском по известному закону сокращения кельто-италийских долгот). Однако эолийская форма *κρυφάδην* (*κρυφῆδην*, гом. *κρυφῆδόν*) показывает, что греч. *-δην* следует возвести к *-dām*. Такая форма могла бы быть сопоставлена не с *-dem*, а с *-dam*, но этому препятствует значение неопределенности у латинской постпозитивной частицы. Латинские, балтийские и иранские формы, по мнению Ю.С. Степанова, восходят к так называемому протогерундиву: отглагольному наречию и/или абстрактному имени, которые маркировались частицей **dom* и тяготели к объектной части и.-е. предложения и к инактивным синтагмам. Частица **dam* может быть разделена на анафорический элемент *de* (греч. *δέ/δῆ*) и формант *-m*, который Ю.С. Степанов считает показателем неактивных несубъектных имен (см. теперь более подробно [8, 9]). Все эти наречия исследователь относит к обширному классу слов с действительными показателями.

Сама идея, в соответствии с которой герундив и герундий есть по происхождению отглагольное существительное, не нова. Весьма решительно это утверждал, например, П. Аалто [10, с. 147], приводя следующие аргументы: герундив не образует степеней сравнения и наречий, конструкция с так называемым аукториальным дательным (*mihi scribendum est* "мне должно написать") указывает на субстантивное происхождение герундива. Но отглагольные прилагательные и особенно причастия образуют степени сравнения главным образом тогда, когда они теряют непосредственную связь с глаголами и становятся качественными; в этом случае возможно образование степеней сравнения и от герундивных форм (*reverendus* "почтенный" — *reverendissimus* "почтеннейший"). Аблатив герундия в функции образа действия приближается к наречию: *docendo discimus* "уча(других), учимся". Таким образом, исходный пункт рассуждений Ю.С. Степанова близок к идеям П. Аалто, но им сделан важный новый шаг: предложена новая, формально непротиворечивая этимология суффикса.

Выведение лат. *agendum* из **agen + dum* не вызывает возражения с точки зрения фонетики; для верификации этой реконструкции следует обратиться к иным уровням языка: морфосемантическому, синтаксическому и т.д. Прежде всего нужно заметить, что ни в одном италийском языке не зафиксирован инфинитив на *-en/-on*. Имена на *-on* в латинском носят преимущественно конкретный характер (*homo*, *-inis*, *turbo*, *-inis*, *pedo*, *-onis*), если не считать отглагольных существительных на *-ion-*, продолжающих и.-е. Verbalabstracta на *-ti-*: греч. *λέξις* — лат. *lectio*, скр. *gati* — греч. *βάσις* — лат. *ventio*. Герундий как особая категория засвидетельствован только в латыни, в остальных италийских языках известен только герундив. В форме *agendum* герундий встречается с предлогом *ad*, без

представит такую форму может иметь только видительное предложение. Оно обсто-
ятельства наводит на мысль о том, что не германизированная лексика является
такого рода процесс характерный для латинского синтаксиса. Так, прилагательное
на (но) предложении отглагольным прилагательным является в латышском предложении
значение отглагольного прилагательного имен. Подобное явление, изучивший это явление
Э. Бернети [1] указал на распространенную у Линдона и Цезаря конструкцию *facto opus* (*nus*) est "одежды
распределены". Ср. *quod factum nus est* (Pl. Cist., 129) "то, о чем принято
говорить"; *qued facto nus est* (Ter. Нес., 828) "то, что нужно делать".
Разные данной конструкции, но Э. Бернети, таковы: *ufor facto* "потому что сделать".
спеланным — *nus facto* "потому, чтобы было сделано" = "потом что сделать".
Не менее показательно отглагольные прилагательные в аккузативе; они могут
нести атрибутивную функцию: *perfectum hoc dabo negotium* (Pl. Cist., 595)
"дам тебе это дело исполненным", но они могут и относиться к предмету,
к предикату: *sunt, qui volunt se conuentam* (Pl. Cist., 704) "это те, кто хочет
с тобой встретиться" (дословно "тебя встреченную"). Формально *conuentam*
согласуется с te, фактически же отглагольное прилагательное здесь терпает
своего функции определения и обозначает цель при глаголе желания. Это
приводит к тому, что отпадают все характерные черты его семантики и остается
только идея действия, которого желает достигнуть говорящий. Как указывал
Э. Бернети, при глаголах желания часто стоит причастие на -to- в аккузативе
(dictum et servatum volo [1], с. 11); впрочем, не следует забывать о влиянии
суффикса I, формально интентивного (за небольшим исключением) perfettoму
причастию и обозначающего цель. Но весьма существенно то, что финальное
значение может иметь прилагательное, однокоренное с глаголом, но не
отглагольное: *illud vult et saluum vellem* (Ter. Нес., 664) "я хотел бы, чтобы
он был жив и здоров" (букв. "его живого и здорового"). Обозначение цели
и предмета — основная семантика аккузатива (*Roman te*), но в данном контексте
аккузатив стоит при переходном глаголе; это дает основание утверждать,
что значение цели выражает именно прилагательное.

всех звезд" ("при всех погасших звездах"). В рассмотренных конструкциях происходит нейтрализация ряда оппозиций. Если логический субъект главного предложения и обособленного оборота совпадают, нейтрализуется активность/пассивность: *re intellecta in verborum usu faciles esse debemus* (Cic. Phil. 2, 12, 28) "поняв суть (= при понятой сути) мы должны легко пользоваться словами". В любом случае нейтрализуется оппозиция конкретности/абстрактности. Рассмотрим причины такой нейтрализации. Для этого вернемся к уже цитированным примерам из Плавта: (1) *perfectum hoc dabo negotium*, (2) *qui volunt te conventam*. В первом случае предикат свободно управляет объектом, с которым согласовано причастие; валентность же предиката *volo* иная. Конструкцию *te conventam* следует рассматривать как *accusativus cum participio*, выражающий цель при глаголе желания (в той же функции при глаголе *volo* стоит и *accusativus cum infinitivo*). Такая финальная конструкция утрачивает объектный характер и напрямую зависимость от предиката. Очевидно, главную роль здесь играет не формальный субъект конструкции (*te*), а его атрибут *conventam*, несущий основное финальное значение. В таком случае не играет существенной роли, интерпретируется ли это причастие как конкретное или абстрактное имя. Причиной этой нейтрализации является превращение объектной конструкции в целевую. В абсолютных причастных оборотах тот же результат достигается благодаря разрушению синтаксических связей с главным предложением. В оборотах с *post*, *ante*, *ab* обособленность подчеркивалась локальными союзами, привносящими значение независимой бытийности. Итак, главными условиями нейтрализации оппозиции конкретного/абстрактного имени следует считать: а) выпадение причастного оборота из субъектно-объектных связей; б) его семантико-синтаксическую обособленность.

Таково в общих чертах развитие причастных оборотов в латыни. Рассмотрим с этой точки зрения взаимоотношение герундия и герундива. Как уже отмечалось, герундив имеет оттенок страдательного долженствования: *faciendus* "должный быть сделанным", *opus faciendum* "дело, которое нужно сделать". Конструкция с целевым значением *idoneus ad opus faciendum* "подходящий для делания дела" (= "для того, чтобы дело было сделано") согласно изложенным выше правилам, нейтрализует конкретное значение прилагательного; если же определяемое не несет существенного дополнительного смысла, оно может быть опущено: *idoneus ad faciendum* "подходящий для дела, действия". Возникший таким образом член предложения приближается в значении к инфинитиву и может заменять его в косвенных падежах (там, где инфинитив мог бы склоняться: при выражении цели, атрибутивности и т.д., ср. греческий инфинитив со склоняемым артиклем). Очевидно, так называемая "замена герундия герундивом" на самом деле есть древняя герундивная конструкция с нейтрализованным конкретным значением. В зависимости от падежа она может иметь различную семантику, но в ней всегда присутствует идея достижения определенного состояния, выражаемого герундивом, который благодаря этому теряет свое конкретное значение: *Non sine cause dii hominesque hunc urbi condendae locum elegerunt* (Liv. 54, 4) "Не без причины боги и люди избрали это место для основания города"; *Maiores nostri omnibus rebus agendis "quod bonum, felix, faustum fortunatumque esset" praefabantur* (Cic. Div. 1, 45, 102) «Наши предки перед совершением каждого дела говорили: "что хорошо, то пусть будет счастливо, благополучно, плодотворно"»⁵. Герундивная конструкция в этой функции широко распространена в архаической и классической латыни; весьма немногочисленные примеры замены ее на герундий с прямым дополнением есть факт внутренней истории латыни, связанный с разделением герундия и герундива. Такая замена оказалась малопродуктивной в латыни в силу описанных выше тенденций: формальное согласование отглагольных прилагательных с существи-

⁵ Такие же конструкции известны и в других итальянских языках.

тельными не препятствует развитию у них абстрактного значения и их постановке в центр высказывания. Все эти соображения наводят на мысль о том, что происхождение герундия из герундива — гораздо более правдоподобный процесс, чем обратный. Конечно, можно предположить, что и.-е. "первичный герундив" превратился в (пра)италийском в герундив, а затем в герундий. Но это предположение требует определенного обоснования. Говорить о превращении герундива в герундий мы можем благодаря установленной тенденции превращения отглагольных прилагательных в имена абстрактного действия. Существовала ли обратная тенденция в позднеиндоевропейский-раннеиталийский период — неизвестно. Прилагательные в принципе могут образовываться от наречий (см. ниже), но если удастся отыскать и.-е. прилагательное, сопоставимое с герундивом, то по закону "бритвы Оккама" следует возвести латинский герундив именно к прилагательному, а не к наречию.

Рассмотрим функционирование латинского герундия в различных падежах и попробуем затем сопоставить его с наречиями на -*don* с точки зрения семантики. Здесь, однако, надо сделать ряд оговорок. Сходство в семантике двух грамматических форм в двух родственных языках само по себе никак не может быть показателем общности происхождения. Напротив, материальное сходство требует обращения к значению. Если две разнозначные, но гомоморфные формы будут тщательно проанализированы, это позволит установить либо их конвергентную, либо дивергентную омонимию. Иными словами, появляется возможность говорить либо о различном происхождении морфем, либо о функциональном расщеплении некогда единой формы. Понятно, что в различных языках с богатой культурной традицией даже родственные морфологические формы функционируют по-разному. Однако в них остаются обычно общие черты, которые и позволяют восстанавливать основное значение праформы. Поэтому для проверки гипотезы о связи лат. *agendum* и греч. ἀγδῖν необходимо рассмотреть их функционирование. Прежде всего рассмотрим парадигматику и синтагматику суффиксов. В латинском интересующий нас суффикс достаточно одностопен, в греческом имеет следующие разновидности: -*don*, -*dyn*, -*dion*, -*dihn*, -*da*(*dy*). Если же мы выделяем в латинском морфему -*dum*, следует отметить ее избирательность: она присоединяется только к презентному корню, снабженному показателем -*en/-on*. Напротив, указанный греческий суффикс во всех его вариантах присоединяется к самым различным состояниям корня. Это могут быть наиболее унифицированные варианты, сближаемые с аористом (ἀνασταδόν, -*da*), и презенсом (ἀγδῖν, ἐλγδην), корни, сохраняющие апофонию одного из основных времен, преимущественно аориста (σχέδον — σχεῖν, ρυδόν, ρυδῖν — ἔρρυον, καταχυδόν — ἔχυτο), корни со специальными глагольными показателями (κόναβος "шум" — κонаβέω, κонаβεῖω "шуметь" — κонаβηδόν); корни с презентными показателями (ἀποδιδράσκω — ἀποδιδρασκίνδον, φαίνω — φαίνίνδα), наконец, итеративные корни со ступенью о и суффиксом -*a/-n* (ἀμ-βολά-δον, συν-οχή-δον). Помимо глагольных корней, эти суффиксы сочетаются также с именными и местоименными корнями: κατ-ομα-δόν "сплеча", ἰλά-δον "толпой, вместе", αὐτό-δον "тут же". Сопоставление сегмента -*indon* с лат. -*endum* Ю.С. Степанов обосновывает ссылкой на сужение гласного в аркадском и кипрском диалекте (*iv*=*ev* в других диалектах). Таким образом, формы βασιλίνδον, ὀστρακίνδα, ἀριστίνδον являют полный аналог латинским герундиям в "ахейском" оформлении [6]. Однако внимательное рассмотрение этих наречий показывает, что сходство здесь конвергентное. Ведь за любым латинским герундием стоит производящий глагол: *agendum* — *ago*, *gerundum* — *gero*, *faciendum* — *facio*. Напротив, наречия на -*indon* образуются скорее от имен: βασιλίνδον — βασιλεὺς, ἀριστίνδον — ἀριστος при отсутствии *βασίλω, *ἀρίστοω и под. Кроме того, как указал К. Бак, -*v*- в таких наречиях факультативно: наряду с βασιλίνδον засвидетельствовано βασιλίδον [13]. Ю.С. Степанов предполагает и другую возможность: суффикс -*iv*- связан с лат. -*im* в наречных формах *partim*,

statim, ductim, с оскским инфинитивом на *-um* (*deikum* = *dicere*)⁶, с санскритским абсолютивом на *-am* (ср. еще [14, с. 662]). Латинские наречия на *-im* можно интерпретировать и как аккузатив имен на *-ti* наиболее архаического типа (сохраняется древнее **statis* вместе с более новым *statio*, *partim* сохраняет древний аккузатив гласного склонения). Вполне возможно, что и остальные наречия, приведенные Э. Швицером и Ю.С. Степановым, восходят к аккузативам отглагольных имен.

Сочетаемость латинских и греческих морфем и их внешнее оформление обнаруживают существенные различия. Это можно было бы объяснить тем, что в греческом данный суффикс продуктивен, а латынь законсервировала только один тип подобных наречий. Поэтому следует перейти к изучению семантики латинского герундия в сопоставлении с указанными греческими наречиями.

Латинский герундий реально засвидетельствован в следующих падежах: родительном (*-ndi*), аблативе (*-ndo*) и винительном (*-ndum*), всегда с предлогом *ad*. Эта конструкция сохранила семантику цели, свойственную герундивам. Она употребляется чаще всего в следующих случаях: 1) при глаголах движения, обозначая их цель: *Legatus est vir bonus, peregre missus ad mentiendum rei publicae gratia* (латинская пословица) "Посол — добрый человек, посланный за границу для лжи во имя государства". Иногда глаголы движения приобретают переносный смысл: *Caesar oppidum expugnavit et ad diripiendum militibus concessit* (Caes. B.G. 3, 80, 7) "Цезарь захватил город и уступил его войнам на разграбление"; глагол *concedo*, по происхождению глагол движения ("идти вместе"), обычно употребляется в значении "уступать, позволять"; 2) при глаголах стремления (потенциального движения): *Ad paenitendum properat cito qui iudicat* (P. Syr. Sent. 32) "К наказанию спешит тот, кто быстро судит"; *Opusandum est, ut ii, qui praesunt rei publicae, legum similes sint, qui ad paenitendum non iracundia, sed aequitate ducuntur* (Cic. Off., 1, 25, 89) "Следует желать, чтобы те, кто стоит во главе государства, были подобны законам, которые наказывают не по причине гнева, а справедливости". На поверхностном уровне такие глаголы способны трансформироваться в имена, сохраняя свою финальную семантику: *Vidimus in bestiis suam cuique naturam esse ad vivendum ducem* (Cic. Fin. 5, 15, 42) "Мы видим, что у животных природа — каждому руководитель для жизни"; 3) данная конструкция встречается у прилагательных *хороший/плохой, могущий/немогущий, сложный/легкий, достаточный/недостаточный*, т.е. выражающих возможность и потенциальное стремление к действию: (a) *rem quaeris praeclaram inventuti ad discendum, nec mihi difficilem ad perdocendum* (Cic. Sest., 4, 96) "ты ищешь предмет, великолепный для изучения, мне не сложный для преподавания"; *ad vivendum est melior, qui onere liberior* (Ap. Apol., 21) "Для жизни лучше (пригоден) тот, кто свободнее от тяжестей"; (b) *breve tempus aetatis satis longum est ad bene honesteque vivere* (Cic. Sen., 19, 90) "краткое время жизни достаточно для хорошей и достойной жизни"; *Nullum ad nocendum tempus angustum est malis* (Sen. Med., 292) "Никакая пора злу для преступлений не помеха"; (c) *non enim, si malum est dolor, carere eo malo satis est ad bene vivendum* (Cic. Fin., 2, 18, 41) "если же зло — несчастье, то быть лишенным этого зла еще не достаточно для хорошей жизни"; (d) *Caesar nactus idoneam ad navigandum tempestatem...* (Caes. B. 6.4, 23, 1) "Цезарь,ждавший подходящей для плавания погоды..." (этот оборот интересен наличием здесь двух ядерных структур, каждая из которых может управлять герундием: *Caesar nactus* (*tempes* — *tatem*) *ad navigandum* и *tempestatem idoneam ad navigandum*); 4) при глаголах "быть, иметь": (a) *Quibus nihil est ad bene beateque vivendum* (Cic. Sen., 2, 4) "У кого нет ничего для хорошей и счастливой жизни"; (b) *Exempla ex vetere memoria plurimum*

⁶ Вероятность реконструкции латинских герундиев как слияния инфинитива и частицы **dom* повышается, если вместо предложенного Бенвенистом, но не зафиксированного в итальянских языках инфинитива *-en/-on* видеть здесь аналог оск. *-im*. Но и такая гипотеза не снимает названных нами проблем.

solent et auctoritatis habere ad probandum et iucunditatis ad audiendum (Cic. Verr., 3, 90, 2096) "Примеры из древности достаточно авторитетны, чтобы с их помощью можно было что-то оценить, и приятны для выслушивания". Приведенный материал показывает, что конструкция "*ad* + герундий в аккумулятиве" при предикате указывает на интенции субъекта.

Герундий в генитиве обозначает деятельность как свойство и качество субъекта: *modus vivendi* "образ жизни", *onus probandi* "бремя доказательства", *vir bonus, loquendi peritus* "хороший человек, опытный в говорении"; *usus dicendi in omni pacata et libera civitate dominatur* (Cic. De or., 2, 8, 33) "обычай говорить преобладает в любом благополучном и свободном государстве". В ряде случаев такие конструкции сближаются в своем значении с аккумулятивными; к примеру, следующие предложения весьма близки друг другу в лексико-синтаксическом отношении: (a) *Nulla aetas ad perdiscendum sera est* (Ambr.) "никакой возраст не является слишком поздним для учения"; (b) *Serum est cavendi tempus in mediis malis* (Sen. Thy., 487) "Поздно беречься в несчастьи (досл.: позднее время беречься посреди зол)". Очевидно, в данном случае различие между двумя типами герундиев элиминировано. Для многих других контекстов оно проявляется следующим образом: аккумулятив с *ad* стоит при глаголах и именах с конкретным значением, генитив — при абстрактных, главным образом, отглагольных именах: (a) *omnium animi ad ulciscendum ardebant* (Caes. B.G., 6, 34, 7) "души всех жаждали мщения"; (b) *cupido dominandi cunctis affectibus flagrantior est* (Tac. Ann. 15. 333) "жажда власти из всех страстей —, наимучительная"; *omnis hic aetas piscandi, navigandi atque natandi studio tenetur* (Plin. Ep. 9, 33, 2) "все время здесь занято усердной ловлей рыбы и плаванием". Совершенно теряется значение цели в следующем контексте: *non nutrit ardorem concupiscendi ubi frui licet* (Quint. Decl., 14, 8) "не возбуждает жар страсти там, где дозволено наслаждаться". В данном случае семантика определяемого *ardor* и определения *concupiscendi* достаточно близки, и такая конструкция может рассматриваться как ἐν διὰ δις без выраженной глагольности.

Причина тяготения герундия в генитиве к абстрактным именам видится в следующем. Как известно, Э. Бенвенист предположил, что основной функцией генитива является атрибутивность при отглагольном имени, иными словами, генитив есть оператор, переводящий ситуацию из глагольной в именную [15]. Поддержавший эту точку зрения И.И. Ревзин подчеркивал, что генитив занимает как бы промежуточное положение между номинативом как источником действия и аккумулятивом как пределом действия: при переходе предиката в имя его субъект и объект превращаются в генитивные формы [16].

Однако внимательное рассмотрение материала показывает, что при переводе ситуации из глагольной в именную субъект и объект изменяют падежи только тогда, когда глагол переходит в существительное, т.е. синтагма теряет свой конкретный характер: вместо глагола появляется *nomen agentis* или *nomen actionis*; причастия же и отглагольные прилагательные сохраняют прежнее управление. Объясняется это тем, что при *nomina agentis et actionis* в центре высказывания находится само действие, его же основные актанты отходят на периферию [17]. Именно это подчеркивает генитив — падеж периферийного субъекта и объекта [18; 19]. Вырисовывается следующая картина: при глаголах сохраняется герундий с *ad*, при прилагательных с рассмотренными выше значениями помимо такого герундия может стоять и инфинитив (*cantare periti* "способные петь", *piger ferre laborem* "неохотно трудящийся", букв. "ленивый нести труды" и мн. др. (ср. [20, с. 121—5])). Если же вместо глаголов стоят

⁷ Многие исследователи видели здесь влияние греческого, однако необходимо заметить, что такая конструкция — довольно позднее явление, получившее широкое распространение в латинской поэзии только с I в. до н.э. На наш взгляд, конструкция прилагательного с инфинитивом — это дальнейший этап развития герундийных конструкций. Такая конструкция может приобретать финальное значение, особенно при причастиях [ср. *canes currentes bibere in Nilo flumine* (Phaedr. 1, 25, 3) "собаки, бегущие пить из Нила"], и в дальнейшем вытесняет другие отглагольные абстрактные имена.

nomina actionis, а вместо прилагательных — абстрактные существительные, то герундий как выражение их устремлений маркируется генитивом.

Рассмотрим теперь генитивный герундий при конкретных именах. Большое сходство обнаруживают следующие конструкции: (а) *Caesar nactus idoneam ad navigandum tempestatem* "Цезарь, дождавшийся подходящей для плавания погоды" (см. выше); *Caesar hunc ad egrediendum nequaquam locum idoneum arbitratus est* (Caes. B.G. 4, 23, 4) "Цезарь считал, что здесь нет удобного места для отправления"; (b) *Dumnorix Aeduus ... petere contendit, ut in Gallia relinqueret, quod insuetus navigandi mare timeret* (Caes. B.G., 5, 6, 3) "Эдуй Думнорикс стал просить, чтобы он остался в Галлии, так как, будучи неопытен в плавании, он боялся моря". Очевидно, *ad navigandum* и *ad natandum* указывают на данное конкретное устремление субъекта, а *navigandi*, напротив, выражает общее свойство субъекта, актуальное не только для данного контекста. Аналогично соотносятся: (а) *rem quaeris praeclaram... ad discendum* "ты ищешь предмет, великолепный для учения" (см. выше); (b) *virī docti non solum vivi atque praesentes studiosos discendi erudiunt...* (Cic. Off. 1, 44, 15) "ученые мужи не только, будучи живыми и присутствующими, обучают усердных к учебе..."; (а) *ad vivendum, ut ad natandum, is melior, qui onere liberior;* (b) *vivendi est finis optimus* (Cic. Sen., 20, 72) "лучший конец для жизни таков...". Итак, аккумулятив и генитив герундия противостоят друг другу выраженным/невыраженным целевым значением, конкретностью/абстрактностью.

Герундий в аблативе — это абстрактное отглагольное имя, обозначающее добавочное действие как причину, как способ или характеристику основного действия или же (с предлогом *in*) как среду его протекания. Ср.: *Multi patrimonium effuderunt inconsulte largiendo* (Cic. Off. 2, 15, 54) "Многие растратили имущество по причине неразумных расходов"; *Ibi cursu, luctando, hasta, disco, saliendo sese exercebant* (Pl. Bacch., 428) "Там они упражнялись бегом, борьбой, копьем, диском, прыжками"; *litteris omnibus a pueritia deditus experiendo tamen magis quam discendo cognovi* (Cic. Fam., 1, 7, 10) "будучи с детства предан книгам, я, однако, узнал больше не учением, а исследованием"; *Cernuntur in agendo virtutes* (Cic. Part. 23, 48) "Доблести познаются в действии". В данном случае, особенно в трех первых примерах, герундий приобретает значение добавочного действия.

Нетрудно понять, что все основные значения герундия тесно связаны с семантикой падежей: цель — аккумулятив с *ad*; свойство — генитив; каузальность, орудийность — аблатив. Орудийный падеж нередко указывает на добавочного субъекта (*я рублю топором* = *я и топор рубим* [16], и герундий в орудийном падеже соответственно приобретает эту функцию.

Для греческих же форм на *-δον/-διον, -δην/-δίην, -δα* значение дополнительного действия является основным, а остальные значения — производными: *ἐπιστροφάδην* "поворачиваясь", *μεταδρομάδην* "преследуя, вдогонку" (*μετά* "после" + *δρομάδην* "бегом"). Эти формы сохраняют аспектуальные различия между аористными, презентными и итеративными корнями: (а) Ил. 9, 670—1 *τοὺς... υἱὲς Ἀχαιῶν δεῖδέχατ' ἄλλοθεν ἄλλος ἀνασταδόν* "их сыны ахейцев приветствовали, каждый встав со своего места"; Ил. 22, 476—7 *ἡ δ'... ἀμβληδὴν γοῶσα μετὰ Τρωῆσιν ἔειπεν* "она же... вскинувшись с криком к троянкам обратилась"; (b) Ил. 21, 363—4 *ὥς δὲ λεβὴς ζεῖ ἐνδον... κνίστην μελδόμενος... παντόθεν ἀμβολάδην* "внутри кипит котел... варя сало... отовсюду взбрызгиваясь". Здесь множественность действия, выраженного *ἀμβολάδην*, подчеркнута обстоятельством *παντόθεν* "отовсюду". Эти наречия нередко приобретают дополнительное значение: Од. 6, 143 и 146 (*λίσσασθαι*) *μεῖλιχίοισι ἐπέεσσιν ἀποσταδὰ* // (*λίσσοιμην*) "(умолять, я умолял бы) медовыми словами, стоя вдали". Это дополнительное значение может вытеснить основное, и наречие совершенно утрачивает глагольность: Ил. 15, 555—6 *οὐ γάρ... ἐστὶν ἀποσταδόν λάθρη Ἀργείοισιν// μάρνασθαι...* "Не подобает вдали с аргивянами сражаться...". Во многих случаях связь с глаголом полностью утрачена, и такие формы превращаются в обстоятельства места/времени: *σχεδόν*

"тут же, рядом", αὐτόσχεδον тж. Такие нейтрализованные наречия свободно сочетаются с другими обстоятельствами, не имеющими отношения к глагольным корням: Ил. 7, 242—3 οὐ γάρ σ' ἐθέλω βάλλειν // λάθρῃ διπλεύσας, ἀλλ' ἀμφαδόν ... "не хочу я убивать тебя, тайно подкрадываясь, но явно...". Полная однородность наречий представлена в следующем контексте: Од. 1, 296 κτείνης ἢ ἐ δόλῳ ἢ ἀμφαδόν "убьешь либо хитростью, либо открыто". Такого же типа конструкция в Од. 14 330 διπλῶς νοστήσει... ἐς δῆμον... ἢ ἀμφαδόν ἢ κρυφῆδόν "когда он вернется ... домой... явно или тайно". Именно наречный, а не глагольный характер этих форм подтверждает глосса Гезихия: κρυφανδόν· κρυφίως (≈ κρυφῆδόν).

Таким образом, наречия на -δον с точки зрения семантики можно сравнить только с аблативом герундия. Однако нельзя не видеть их существенного различия. Аблатив герундия обозначает орудийные отношения, наречия на -δον и под. — добавочное действие, в сфере которого развивается основное. Иными словами, оно указывает на временную соотнесенность действий, тогда как герундий — на их каузальную, модусную и т.п. связь. Общие же черты функционирования объясняются, по-видимому, не общностью происхождения, а вхождением в универсальную категорию деепричастий.

Генетическая связь греческих наречий и латинских герундиев остается не доказанной. Вместе с тем в работе Ю.С. Степанова есть чрезвычайно плодотворная идея: в основе наречий на -δον лежит формант, идентичный латинскому союзу *dum* и указывающий на соотнесенность действия в пространстве и времени. Это значение форманта хорошо видно в наречиях, образованных не от глаголов: Од. 8, 349 αὐτόδιον δ' ἄρα μὲν ταμίη λούσασθαι ἀνώγει "и вот тогда же ключница пригласила его омыться". Наречие αὐτόδιον состоит из корня αὐτο- "вот, именно" и суф. -διον (варианта -δον), очерчивающего место выраженной корнем эмфазы во времени. Таким же образом построено и наречие σχέδον, отглагольное, но потерявшее глагольное значение, и синонимичное ему αὐτόσχεδον: корень σχе- "держат" + -δον "здесь, в это время", в общее значение усилено и эмфатическим корнем αὐτο-. Яркий пример функционирования такого наречия можно видеть в Ил. 15, 385—7: ἵππους εἰσελάσαντες ἐπὶ πρύμνῃσιν μάχοντο // ἔγχεσιν ἀμφίγυοις, αὐτόσχεδον, οἱ μὲν ἀφ' ἵππων//οἱ δ' ἀπὸ νηῶν... ἐπίβαντες "подогнав лошадей, они сражались обоюдоострыми мечами прямо у кораблей, одни — сойдя с лошадей, другие — с кораблей". Наречие αὐτόσχεδον в данном контексте выступает и как характеристика глагола μάχοντο ("здесь сражались" или "сражались схватившись"), и как предел действия, выраженного причастиями εἰσελάσαντες "подогнав" и ἐπίβαντες "подойдя".

Рассмотрим отыменное наречие на -δον Ил. 23, 499—500 ὥς φάτο, Τυδείδης δὲ μάλα σχέδον ἦλθε διώκων//μαστί δ' αἰὲν ἔλαυνεν κατωμαδόν... "так он сказал, Тидеид тут же бросился преследовать, все время сплеча погоняя бичом". Наречие κατωμαδόν пространственно организовано префиксом κατ- "вниз" и суф. -δον "здесь"; иными словами, префикс указывает на направление движения, корень -ωμα- (ὦμος "плечо") — на место его протекания, а суффикс соотносит наречие с предикатом. В этом и заключается основная функция суф. -δον: он соотносит наречие с предикатом, указывая тем самым на сферу протекания действия. Если этот суффикс стоит при глаголе, наречие получает значение добавочного действия. В этом плане интерес представляет цитированный контекст Ил. 22, 477: ἀμβληδὴν γοῶσα... ἔειπεν, где ἀμβληδὴν представляет собой добавочное действие по отношению к причастию γοῶσα, а γοῶσα — к финитному глаголу ἔειπεν.

Выше мы отмечали точку зрения Ю.С. Степанова, согласно которой *-dom является анафорической частицей. Греческий материал позволяет внести сюда определенные коррективы. Из отглагольных наречий выделяется и с формальной, и с семантической точки зрения φύγαδε "(обратить к.-л.) в бегство". Оно отличается от других наречий оформлением суффикса (отсутствием -v) и указывает не на сферу протекания действия, а на его направленность. Суф. -δε сближает это наречие со многими отыменными формами, маркированными тем же аффиксом: οἴκαδε/

οἰκόνδε "домой", πολέμονδε "на войну", Ὀλύμπωνδε "на Олимп", Ἀθήναζε "в Афины" (-σ-δε). Общеизвестно, что эти наречия образованы формантом *-d(h)e*, происходящим из местоименного склонения и обозначающим направление движения. Этот формант в греческом имеет следующие варианты: локативный *-θι* (πόθι "где", ὅθι "там, где", οἰκοθι "дома"), аблативный *-θεν* (πόθεν "откуда", οἰκοθεν "из дома"). Соединение этих формантов с именами не засвидетельствовано нигде, кроме греческого, в местоимениях же они достаточно широко распространены: лат. *quando* "когда", *ubi* (**k^u-dhi*) "где?", *unde* (**k^u-um-dhe*) "откуда?", *inde* (*im-dhe*) "оттуда" *ibi* (*i-dhi*) "там", слав. *кѣде*, скр. *kuha, kada* "куда", авест. *kaða* тж. Возможно, этот суффикс сохранился как осколок древнейшего местоименного склонения, что можно наблюдать в хеттском, где с его помощью образованы пространственные падежи: *-eda-(ni)* (датив-локатив), *-ez* (аблатив). Примечательно, что в греческом только чистый суф. *-δε* сохраняет направительное значение, локативность же *-θι* связана с семантикой частицы *-ι*, идентичной флексии локатива. Думается, что лимитативность суф. *-δον*, как и лат. *dum*, связана с частицей *-m*, идентичной флексии аккузатива. Как установлено, основное значение аккузатива — не прямой объект, а предел действия. Эта семантика сохранилась там, где аккузатив управляется именем или непереходным глаголом: греч. *accusativus relationis* (πόδας ὠκός Ἀχιλλεύς "быстрые ногами Ахилл"), *accusativus extensionis* типа лат. *eo huc* "я иду в деревню", скр. *gramam gachāmi* тж., русск. *пройти город, прожить жизнь, весить тонну* (ср. [21, с. 90]). Предельно-лативное значение суф. *-m* демонстрируют некоторые имена ср. рода: греч. πός лат. *pes* "нога" — πέδον "равнина" (т.е. то, что находится у ног; возможна и такая интерпретация: **ped* — "двигаться, падать", πέδον — предел этого действия). Тот же суффикс обнаруживается в некоторых числительных: **neç-m* "девять", интерпретируемое как "снова". (т.е. число, следующее после второй четверки — восьми) — **dek-m* "десять", этимологически "купно, в целом" (корень **dek-* "брать"; этимология О. Семереньи [22] *dçe-kemt* "две-руки" представляется менее убедительной из-за неисконного *-i*). Такая реконструкция выглядит более убедительной, чем гипотеза А.В. Десницкой относительно *-m* как показателя "не-субъекта" [23]. В оппозиции "субъект—не-субъект" последний был немаркированным членом и мог выражаться нулевым аффиксом (чему есть подтверждение и в и.-е. грамматике, и в типологии). Собственной же функцией аффикса *-m* являлась лимитативность. Наречие *σχέδον* следует членить на корень *σχε-*, пространственный показатель *-δο* и аффикс лимитативности *-v*. По-видимому, к тому же архетипу восходят и литовские "полупричастия" типа *dirbdamas*. Они являют собой более позднюю ступень развития, чем греческие наречия: суффикс здесь соединяется только с глагольными основами, к нему присоединяется флексия, согласованная с субъектом в роде и числе, что сближает эти формы с причастиями. Возможно, дальнейшим развитием этих форм являются греческие прилагательные на *-δο*- и *-διο*-. Первый тип можно видеть в Од. 19, 390-1 μή...ὀβλήν ἀμφράσσατο καὶ ἀμφὰ ἔρυα γένοιτο "чтобы она не узнала рану и дело стало явным". Второй тип представлен более широко: κοῦρος — κουρίδιος, ἄρμος — ἀρμόδιος, αἶε — αἰίδιος и под.

Итак, глагольные наречия на *-δον* и под. представляют собой сочетание полнозначного корня и дейктического местоименного элемента **-d(h)e*. Следы такого типа можно наблюдать в и.-е. глагольном и именном словообразовании. Процесс формирования производных глаголов можно проследить в гомеровском греческом: от глагола ἰω "насыщать(ся)" (представлены инфинитивы ἰμεναι и ἰσαι) образовано наречие ἰδην "вдоволь, досыта", а от него — глагол ἰδέω (засвидетельствован опатив аориста ἰδήσεε и перфектное причастие ἰδηκότες). Данный глагол отличается от исходного своим терминативным (точнее, транстерминативным) значением: он указывает на достижения действием своего предела. Такие терминативные глаголы встречаются во многих и.-е. языках, они образуются обычно без деноминативного суф. *-eio-* (в отличие от рассмотренного), что, по-видимому, свидетельствует об их древности: слав. *идж*, гот. *iddjan* "идти",

возможно, литов. *eid-inti* "заставлять идти"; — литов. *eiti*, лат. *eo* и т.д.; слав. *ѣдж* — литов. *jojù*, скр. *yāti*; слав. *кладж* — литов. *klóti*; лат. *claudere* в сравнении с и.-е. корнем **klāu-* "ключ, запор". Именно к этому классу относятся глаголы *tendo* и *fendo*, в которых Дж. Паултни увидел отражение праитал. **-njo*. Глагол *tendo* отличается от однокоренных выраженным терминативным значением: не "тянуть", а "стремиться"; *fendo* не употребляется без префиксов (*of-*, *dis-*), которые так или иначе указывают на локализацию действия в определенном пространстве и поэтому сообщают действию терминативный оттенок. Локальные частицы *de/dhe* являются алломорфами, поэтому класс терминативных глаголов на *-θω*, выявленный П. Шантреном, происходит из того же источника (ср. *τελέω* — *τελέθω*, *φθίνω* — *φθινύθω*, *πίμπλημι* — *πλήθω* [24]). Чередование смычных и придыхательных согласных в и.-е. языках — достаточно распространенное явление [25, 26, 24].

Ю.С. Степанов с полным основанием соотносит греческие наречия на *-δον* и под. с латинским союзом *dum*; вероятно, такие отглагольные формы играли существенную роль в древнейшем строе и.-е. предложения, являясь дополнительными предикатами. Добавим к этому, что такие формы могли образовываться не только от глагольных, но и от именных корней. Они явились результатом воздействия местоименного склонения на именное: местоименные дейктические аффиксы присоединялись к полнозначным словам, придавая им пространственное значение⁸.

Латинский же герундий не относится к этому классу слов; согласно общим тенденциям латинского синтаксиса, он происходит из абстрагированного герундива. Из многочисленных гипотез, посвященных происхождению данного форманта, наиболее убедительной представляется следующая. Еще А. Мейе, рассматривая этимологию слав. *говядо* (корень **g^oou-*, ср. греч. *βοῦς*, лат. *bos*, скр. *gauh*) выявил в нем суф. **-ed*, являющийся вариантом суф. **-et-* (ср. *тела* — *говядо*). Тот же суффикс обнаруживается в *лебядь* (вариант *лебеда*, *лебедь*); это имя сопоставляется с лат. **albundus*, лежащим в основе франц. *blonde*, итал. *biondo* [27; 28, с. 18]. Альтернатива детерминативов *+t/d* известна и в других случаях: литов. *tvirtas* "крепкий" (*tvirti* "сжимать, огораживать") — слав. *твърдь*, лат. *hos-pet-s* — слав. *господь*, лат. *ne-pot-s* — греч. *νε-ποδ-ες* (этимологически — "не-хозяева"), т.е. не главные члены семьи: дети, потомки; этимон состоит из отрицательной частицы и корня **pō t/-d* "хозяин"). Э. Бенвенист [7, с. 35] и Хр. Станг [32] показали, что чередование звонких и глухих согласных в ауслaute корня — распространенное явление; слав. *цвѣтъ*, *свѣтъ* — гот. *heits* "свет" (**k^eeit/d*), скр. *miçraḥ* — греч. *μίϋουμι* (**meik/g*) и мн. др.; они полагали, что такие чередования возможны в корнях структуры *TeRT* (состояние I по Бенвенисту) и что альтернирует последний согласный обычно после сонорного. Вполне вероятно отнесение тех же закономерностей и к суф. *nt/-nd-*. Ф. Шпехт привел и другие примеры чередований *-t/-d*: скр. *nanādar* "золотка" имеет суф. *-dar*, соответствующий патронимическому *-tar* в других случаях (*pitār*, *mātar*, *duhitār*), слав. *nomen instrumenti* **dlo* соответствует суффиксу *nominis agentis* **-tel* так же, как греч. *-τρο-* и *-τήρ/-τωρ*; литов. *dėšimt*, греч. *δεκάδ-* [29]. Ф. Шпехт решительно высказался в пользу родства герундива и причастия на *-nt-*; он указал, что ряд латинских форм на *-nd-* имеет не герундивную, а простую адъективную семантику: *rotundus* "круглый", *secundus* "следующий", возможно, и *vagabundus* "бродячий", хотя есть и другие точки зрения⁹. Такие прилагательные близки по значению к прилагательным на *-lentus*: *turbulentus* "бурный", *fraudulentus* "обманчивый", *virulentus* "ядовитый". Г.Р. Сольта

⁸ Это не единственный случай проникновения местоименных форм в именное склонение: формы косвенных падежей на *-bā-* (греко-арийский и итало-кельтский ареал) и *-m-* (германо-балто-славянский ареал) заимствованы из местоименного склонения.

⁹ Согласно П. Аалто [10, с. 47—51], в латыни имеется пять прилагательных на *-undus*, семь — на *-cundus*, 149 — на *-bundus*.

также рассматривает *-nd-* и *-nt-* как алломорфы. С его точки зрения (которую мы разделяем), оба варианта являются расширением простого суффикса *-n*, одной из функций *-nt-*, по Сольта, является экспрессивность, ср. русск. элативный суффикс — др.-чеш. *figura etymologica* типа *div divuči, svet svetuči, pravda pravduči* и т.д. [30]. Суф. *-nd-* также принимает участие в "вульгарно-аффективных" образованиях: *crassus* "толстый, плотный" — *crassundia* "толстые кишки"; литов. *skilvas* "желудок" — *skilvandis* "колбасные кишки". К этим соображениям можно прибавить еще одно: в латыни от стативных глаголов на *-ēre* образуется прилагательное *-idus*, близкое к перфектному пассивному причастию; примечательно, что оно засвидетельствовано лишь у тех глаголов, у которых такое причастие неизвестно; ср., с одной стороны, *iacēre* — *iacitus*, *habēre* — *habitus*, *sedēre* — *sessus* (нет **iacidus*, **habidus*, **sedidus*), но *timēre* — *timidus*, *horrēre* — *horridus*, *florēre* — *floridus*, *timēre* — *timidus*, *tumēre* — *tumidus*, *albēre* — *albidus*, *calēre* — *calidus* (стяженное *caldus*), *callēre* — *callidus*, *livēre* — *lividus* и мн. др. Исключение составляет лишь *placēre*, от которого возможны и причастие *placitus* прилагательное *placidus*; это можно объяснить аналогией. В целом же причастие *-(i)tus* и прилагательное *-idus* находятся в дополнительном распределении, что может свидетельствовать об общем происхождении суффиксов.

Чередование суффиксов-детерминантов *-t-* и *-d-* — факт, установленный на материале многих и.-е. языков. По-видимому, нет оснований отделять суффикс герундива *-nd* от причастного *-nt-*. Правда, с другой стороны, из некоторых данных можно по аналогии вывести, что в основе герундия и герундива могло лежать отглагольное абстрактное существительное.

Дело в том, что многие модально-пассивные прилагательные обнаруживают несомненную связь с абстрактными существительными, образуясь с помощью их тематизации. Хеттское абстрактное имя на *-tar* (*šullatar* "спор" — *šllāi-* "спорить") имеет гетероклитический генитив *-tan-naš*. Этот суффикс вне всякого сомнения идентичен суффиксу литовского прилагательного долженствования *-tin-as*. Таким же образом связано индоевропейское абстрактное существительное **-tu-* (лат. *-tus*, греч. *-tús*) с греческим модальным прилагательным *-téos* < *-téFos* (*ρητέος* "должный быть сказанным"). Тематизация и полная ступень вокализма суффикса способствует формированию семантики модальности, зависимости от внешних условий, пассивности. Особенно интересно взаимоотношение абстрактных и конкретных имен в рамках одной глагольной парадигмы. Так называемой хеттский инфинитив I представляет собой обычное отглагольное имя: *LUMeš KUR^{URU} Mizrama...* *GUL-ahḫuṣar ištamaškanzi* (KBoT. V.6; III, 5) "Люди Египта... о нападении услышали". Действие, выражаемое инфинитивом *GUL-ahḫuṣar*, предстает как реальное. Картина резко меняется, если та же форма стоит в генитиве, тематизирующем словоформу (при этом отпадает гетероклитическое *-r*) *temiiaš kuiš iḫaiyaš* (Durr., § 14, 7) "дело для выполнения". Как справедливо заметил И. Фридрих, такие генитивы воспринимаются как прилагательные и могут изменяться по числам: ед.ч. *IKRIBU. kuiš šarninkuāš* "молитва для покаяния, покаянная молитва", но *IKRIBU^{PLA} kueš šarninkues* "молитвы для покаяния, покаянные молитвы" [33, с. 123]. Генитив как тематизирующий падеж задает семантику модальности и инактивности. Это может служить хорошей иллюстрацией к взаимоотношению тематических и атематических форм, установленных на материале корневых имен и глаголов [31; 34—36].

Если бы удалось найти абстрактное имя с суф. *-nd*, оно вполне могло бы претендовать на роль источника для герундия и герундива. Пока же можно сказать лишь одно: герундий/герундив может быть результатом тематизации либо причастия, либо гипотетического абстрактного имени. Но в любом случае он, по-видимому, есть результат грамматической деривации, а не словосложения.

1. Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
2. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. P., 1978.
3. Poullet J.W. The phonology of *-nd-* and the latin gerundiv // Amsterdam studies in the theory and history of linguistics. 1980. V. 18.
4. Curtius G. Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig, 1879.
5. Тронский И.М. Очерки по истории латинского языка. М.: Л., 1953.
6. Степанов Ю.С. Герундивы и имена действия в древнейшем строе индоевропейского предложения // ВЯ. 1985. № 6.
7. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
8. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
9. Красухин К.Г. Некоторые вопросы реконструкции индоевропейского синтаксиса (в связи с выходом книги Ю.С. Степанова "Индоевропейское предложение") // ВЯ. 1990. № 6.
10. Aalto P. Studien über das lateinische Gerundium und Gerundivum. Helsinki, 1949.
11. Berneri E. Die Verbal substantive und Verbaladjektive auf *-to* in Lateinischen // Glotta. 1943. Bd 30.
12. Heitula A. Post depositum militiae munus // Arctos, Helsinki, 1985.
13. Buck C.D. The Greek dialects. Chicago, 1955.
14. Schwyzer E. Griechische Grammatik. 1. München, 1939.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. 1974.
16. Ревзин И.И. Семантика падежей в свете гипотезы Бенвениста // Конференция по сравнительной грамматике индоевропейских языков. М., 1972. С. 72.
17. Красухин К.Г. К истокам и функции индоевропейского родительного падежа // Вестник МГУ. 1985. № 3.
18. Якобсон Р.О. Избр. труды. М., 1985.
19. Тронский И.М. Общиндоевропейское языковое состояние. Л., 1967.
20. Лопатина М.Г. Инфинитив при прилагательных у римских поэтов I в. до н.э. // Dzetemata. М., 1984.
21. Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Т.1: Индоевропейские языки. М., 1966.
22. Szemerényi O. Studies in the Indoeuropean system of numerals. Heidelberg, 1960.
23. Десницкая А.В. Сравнительная грамматика и история языка. Л., 1984.
24. Chantraine P. Les verbes grecques en *-θη* // Mélanges J. Vendryès. P., 1925.
25. Benveniste E. Noms d'agent et noms d'action. P., 1948. P. 163.
26. Kurylowicz J. L'apophonie en indoeuropéen. Wrocław, 1956. P. 380—381.
27. Герценберг Л.Г. Опыт реконструкции индоевропейской просодии. Л., 1981.
28. Этимологический словарь славянских языков. Т. 6. М., 1978.
29. Specht F. Die Ursprung der indogermanischen Deklination. Stuttgart, 1947.
30. Solta G.R. Gedanken über *ni*-Suffix. Wien, 1958.
31. Красухин К.Г. Диахронические архаизмы и становление глагольной системы греческого языка древнейшего периода: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1988.
32. Stang Ch. L'alternance des consonnes sourdes et sonores en indoeuropéen // Stang Ch. Opuscula linguistica. Oslo, 1971, P. 45—49.
33. Фридрих И. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
34. Bader F. Le présent du verb "être" en l'indoeuropéen // BSL. 1976. V. 71.
35. Широков О.С. Современные проблемы сравнительно-исторического языковедения. М., 1981.
36. Красухин К.Г. Значение оппозиции тематических и атематических глагольных основ для индоевропейской реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков различных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989.